

Образы мирового порядка после холодной войны

Аннотация. Статья посвящена теме политического устройства Европы после окончания холодной войны. Автор считает, что за 25 лет холодного мира (1989–2014) европейцы ни на шаг не приблизились к установлению безопасности на континенте. В статье предлагается три основных принципа, которые, при их реализации в международных отношениях, могут создать более безопасную Европу. Такими принципами, по мнению автора, являются: равенство, трансцендентность и плюрализм.

В статье утверждается, что сегодня необходимо предпринять определенные усилия, чтобы найти политические процессы и институты, которые помогут сформировать новую политику примирения в Европе.

Ключевые слова: мировой порядок, холодная война, Европейский союз, Европа, безопасность.

Версия статьи на английском языке была представлена на Европейском русском форуме Европейского парламента 30 ноября 2015 г. с последующей публикацией в сборнике статей.

Автор

Саква Ричард,

профессор Университета Кента (графство Кент, Англия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии).

За четверть века холодного мира, последовавшего за событиями 1989 г., так и не нашлось решения ни одного из вопросов европейской безопасности и мирового управления. Со стороны «победителей» проблем не было. Деспотичная система европейского коммунизма потерпела крах, и геополитиче-

ская система власти, ассоциируемая с ним, также распалась, что позволило бывшим «попавшим в зависимость государствам» осуществить свой суверенный выбор и присоединиться к государствам Атлантики, тем самым расширив границы свободы и демократии. Если России сложившаяся ситуация не нравилась, причиной тому

Образы мирового порядка после холодной войны

были ее внутренние проблемы, которые заключались в провале демократического преобразования России и ее нездоровых и несдержанных амбициях быть «великой державой» — статусе, не подтвержденном ни экономически, ни социально. Таким образом, Россия упустила уникальную возможность реорганизовать систему безопасности Европы и качество международной политики, которая появилась с окончанием холодной войны. Завершение продолжительной борьбы враждующих идеологий революционного социализма и рыночного капитализма сгладило противоборство блоков на мировом уровне, и внутри страны появилась возможность создать новый межклассовый альянс для построения демократии, мира и развития. Вместо этого борьба за статус, власть и ресурсы просто приняла новые формы. Это была еще одна из «упущенных альтернатив», которая определяет конфигурацию нашей эпохи [1].

От холодного мира к малой холодной войне

Многочисленные исследования европейского порядка подтвердили, что континент вступил в полосу 25-летнего кризиса, который в свои последние годы перерос из холодного мира в малую холодную войну. 2014 г. стал переломным и положил конец мифам и иллюзиям 25-летнего холодного мира, начавшегося в 1989 г. В этот год впервые со времен Второй мировой войны к власти в Польше пришло коммунистическое правительство, а в ноябре была снесена Берлинская стена. Реформы Горбачёва и введение Нового политического мышления означали, что к 1989 г. холодная война как борьба между конкурирующими системами ценностей была окончена [2]. Единый европейский коммунистический порядок распался, вслед за чем последовал распад всей системы советского альянса. Однако холодная война закончилась асимметрично, генерируя

конфликты, которые к 2014 г. стали неуправляемыми.

Кризис в Украине, как и русско-грузинская война 2008 г., стали скорее симптомами глубокого кризиса, чем его причиной. В 2014 г. мы вступили в новую эру противостояния и конфликта великих держав. Есть веские причины не называть это новой холодной войной, так как нынешняя основа конфронтации сильно отличается от 45-летнего периода, с 1944 по 1989 г. отсутствием соответствующего идеологического контекста и она значительно ограничена географически. Тем не менее, новый раздел Европы сопровождается интенсивной пропагандой со всех сторон, непростым управлением ядерного противостояния и борьбой за привлечение союзников как внутри региона, так и в мировом масштабе; все эти характеристики напоминают первую холодную войну. Однако учитывая довольно ограниченный характер борьбы сегодня, нет оснований называть его малой холодной войной, хотя, конечно же, пока еще рано говорить о том, будет ли она «малой». Существует постоянная опасность того, что нынешняя конфронтация между Россией и ее союзниками с одной стороны, и разветвленной атлантической системой с другой, может выйти из-под контроля и спровоцировать последствия гораздо более серьезные, чем когда-либо в поствоенные годы.

Очень скоро стало очевидным, что система безопасности, сложившаяся после холодной войны, не удовлетворяет ни одну из сторон. В декабре 1994 г. на конференции по безопасности в Будапеште российский президент Борис Ельцин говорил о холодном мире. Маргинализация России еще больше усилилась, когда американский президент Билл Клинтон объявил о расширении НАТО, и программа была мгновенно подхвачена большинством бывших советских стран в Восточной Европе, и даже в ряде бывших советских республик. Активность НАТО в борьбе с бывшей Югославией также усилила ставшую популярной и элитарной враждебность

между Россией и атлантической системой безопасности. В начале своего правления Владимир Путин пытался найти способ преодолеть растущую конфронтацию, но после ряда событий: одностороннего аннулирования Америкой договора по ПРО, несанкционированного вторжения в Ирак, продолжающегося разрастания НАТО к границам России, обещания членства Грузии и Украине, планов по размещению противоракетной обороны (ПРО) в Восточной Европе, и того, что расценивалось как ревизионистская программа смены режима — трещина в отношениях между Россией и атлантической системой превратилась в пропасть.

Очень просто винить ту или иную сторону, но если один чувствует ущемление своих прав, независимо от правомерности своих притязаний, возникает угроза безопасности. В данном случае на кону стояли большие ценности, и нежелание обратить на них внимание спровоцировало малую холодную войну. Все остальное, включая недоразумение с Украиной и неспособность установить союз в Сирии, это симптомы более глубокого кризиса. Наступление холодного мира и его последующее перерастание в малую холодную войну были определены четырьмя ключевыми моментами.

Во-первых, поворотной точкой стал Мальтийский саммит 1989 г., который свел вместе советского лидера Михаила Горбачёва и Президента США Джорджа Буша для решения судьбы Европы после холодной войны. Вновь, как и в феврале 1945 г. в Ялте, судьба Европы была в руках великих держав, но Мальта лишь запротоколировала сдвиг в дипломатическом и стратегическом балансе сил. Горбачёв понимал, что противостояние в холодной войне Советского Союза и западных держав подрывает развитие обеих сторон. С окончанием холодной войны казалось, что наступает новая мирная эпоха воссоединения европейского континента. Горбачёв представлял, что Россия останется великой державой, но сотрудничаю-

щей с Западом. Горбачёв посетил Мальту для формального закрепления политики трансцендентности, но саммит зарегистрировал лишь изменения в расстановке сил в рамках политики Ялты. Возможность общей победы провалилась. Предвидя крах советской державы, Буш использовал возможность укрепить превосходство США, и на саммите констатировали изменения во власти, но не трансцендентность. Были созданы условия, которые впоследствии привели к взрыву в Украине в 2014 г. Страны, бывшие вынужденными союзниками СССР, позже стали самыми яркими сторонниками атлантизма, что усиливало политический блок и помогало Западу одержать победу. Превосходство Запада в складывающейся после окончания холодной войны асимметрии было очевидным, несмотря на попытки подсластить пилюлю для России. Некоторые «подсластители», такие как создание Совета Россия — НАТО, были ничем иным как попустительством и продемонстрировали неспособность Запада воспользоваться плодами своей победы.

Во-вторых, соглашения на Мальте были основаны на Хельсинском заключительном акте от августа 1975 г. и закреплены в «Парижской хартии для Новой Европы» в декабре 1990 г.. Встреча в Хельсинки подтвердила ялтинские постулаты, границы, установленные в 1945 г. и рамки построения отношений между великими державами. В то же время хельсинская «третья корзина» защиты прав человека обеспечила механизм трансцендентности Ялты. Парадокс состоял в том, что Хельсинки выработали метод трансцендентности Ялты, который сам служил орудием разрушения международных отношений, сложившихся после холодной войны. В своем фундаментальном исследовании межвоенных лет Е. Х. Карр утверждает, что смесь идеализма и реализма оказалась фатальной, так как мешала традиционной дипломатии реально оценить последствия применения сил. Пока Советский Союз и Россия одобряют принципы, закреплён-

Образы мирового порядка после холодной войны

ные Парижской Хартией, инструментальное и избирательное применение этих принципов доминирующими странами для достижения своего геополитического преимущества создает ситуацию, в которой нормальные дипломатические отношения между государствами искажаются применением нормативных программ. В эндемическом противостоянии между сторонниками смены режима и сторонниками равновесия сил сторонники смены власти одержали верх [3]. Это не означает, что справедливость должна быть частью международных отношений, но должно быть стремление к достижению взаимных интересов. История не знает примеров «этичной внешней политики», проводимой последовательно и постоянно каким-либо государством. Программа радикализации демократии и прав человека государствами Атлантики спровоцировала ряд защитных реакций со стороны России, что в итоге ослабило демократический импульс. Идея «суверенной демократии» была одним из проявлений поиска устойчивого равновесия между адаптацией к международным нормам и поиском аутентичной национальной традиции для поддержания посткоммунистического политического порядка. В общих чертах, это вариант извечной борьбы между просвещенным универсализмом и нативистским партикуляризмом.

Третьим определяющим фактором установления холодного мира и его неизбежного перерождения в маленькую холодную войну стала неспособность Европы обрести независимую политическую субъективность. Обращаясь к Совету Европы в Страсбурге 6 июля 1989 г., Горбачёв представил свою идею «общего европейского дома», а вместе с ней и другое видение Европы после холодной войны. Сейчас эта программа известна под названием «Великая Европа», и суть ее заключается в достижении геополитического и нормативного плюрализма в Европе. Горбачёв ярко и убедительно доказывал, что различные системы могут мирно сосуществовать. В этой речи и далее Горбачёв утверждал

трансцендентность и Ялты, и Мальты. Он выступал за международные отношения в Европе, которые защищают интересы как малых, так и крупных государств. Речь шла о многополярной Европе, разной и открытой для экспериментов. Вместо этого Европейский Союз (ЕС) заявил о том, что является единственным легитимным голосом Европы в партнерстве с более специализированными Советом Европы и ОБСЕ, что положило начало проекту Большой Европы как части расширенного Атлантического сообщества. Так складывалось монистическое видение Европы, которую до недавнего времени нельзя было даже представить себе как устойчивое альтернативное политическое сообщество. Также как либерализм не мог допустить никакой альтернативы своей собственной гегемонии после холодной войны и тем самым разрушить свою же либеральность, так и Атлантическое сообщество оказалось неспособным найти соответствующую форму взаимодействия с аутсайдерами. Исходным явилось предположение о том, что разрешение проблемы в одном историческом контексте является универсальным применительно ко всем другим. Даже если бы руководство России приняло эти теоретические постулаты (как оно делало в большинстве случаев во времена Ельцина), факт того, что исторические проблемы территориального единства, безопасного сотрудничества, экономической модернизации и международной интеграции все еще не были решены, означал, что напряженности, если не конфликта, избежать было бы невозможно.

Четвертый фактор в этом далеко не конечном списке — неудача России в области взаимодействия со своими соседями. Предпринималось множество попыток создать институт евразийской интеграции в годы после холодной войны, но лишь на третьем сроке Путина это стало приоритетом и привело к созданию Евразийского Экономического Союза 1 января 2015 г. Сущностью холодного мира была бесконечная борьба между великими державами (включая ЕС, хотя ЕС долго отрицал

ответственность за последствия своих действий) за влияние в постсоветской Европе. Последним стратегическим ходом России была осознанная попытка оторвать Украину от экономики и сферы безопасности Москвы. Слова Збигнева Бжезинского, возможно, не очень известного на Западе, в его выступлении в 1994 г. о том, что «нельзя в достаточной мере подчеркнуть, что без Украины Россия перестает быть империей, но подкупая и подчиняя Украину, Россия автоматически становится империей», стали мантрой для российской элиты, и не в лучшем смысле [4]. Российская интервенция в Украину в 2014 г., включая присоединение Крыма и поддержку восстания на Донбассе, была воспринята Западом как жесткий вызов системе международного права. Тем не менее, со стороны Кремля, и, стоит отметить, с точки зрения подавляющего большинства россиян, борьба за Украину — это отчаянный последний шаг на пути к защите интересов России, а также нового видения судьбы Европы, провозглашенной Горбачёвым в последние дни холодной войны. Путинская Россия невероятно консервативна изнутри, а ее международные дела считаются защитой статус-кво, которому угрожает так называемый западный ревизионизм, постоянно демонстрирующий свою готовность к смене режима по своему усмотрению идвигающий свои системы безопасности все ближе к границам России. Конфликт в Украине — дитя холодного мира. Несмотря на то, что в украинской государственной модели развития заложены глубокие внутренние противоречия, они не приобрели бы столь катастрофические формы, если бы геополитические вопросы по окончании холодной войны были решены. Аналогично, несмотря на хрупкое перемирие в Украине в рамках Минских соглашений, устойчивый мир невозможен, пока Минский мир не станет частью более широкого Европейского и мирового регулирования.

Мы 25 лет жили в мире, регулируемом Ялтой, а затем еще 25 лет в мире, регулируемом Мальтой. Однако Украинский кризис

ясно показал, что основные вопросы безопасности Европы остались нерешенными. Запад жил в мире, где время остановилось: миф о его победе в холодной войне лежал в основе современного мирового порядка. Горбачёв понимал, куда все это ведет, и после его вынужденной отставки в 1991 г., неоднократно сетовал на такой исход. В своей речи 8 ноября 2014 г. на праздновании 25-летия падения Берлинской стены, он упомянул, что «вместо того, чтобы создавать новые механизмы и институты европейской безопасности и проводить демилитаризацию европейской политики ... Запад и, в частности, США, объявили о победе в холодной войне» [5]. Именно по этой причине он в целом поддержал политику Путина в отношении Украины в 2014 г. Холодный мир всегда был заряжен внутренними конфликтами, которые лишь сейчас вышли наружу.

Политика трансцендентности: в сторону новой европейской системы безопасности

Если мы хотим проложить путь к стабильности в Европе, мы должны развеять мифы о 25 годах холодного мира, помня об угрозе маленькой холодной войны. Сейчас Европа столкнулась с опасностью создания нового железного занавеса, на этот раз от Нарвы на Балтике до Мариуполя на Азовском море. С одной стороны, будет создано новое военное Атлантическое военное сообщество, в которое ЕС вынуждено будет войти в случае возникновения реальной угрозы его существованию. С другой стороны, Россия уже становится частью различных интеграционных проектов в Евразии, а Большая Азия в настоящий момент набирает вес. Вместо Большой Европы, простирающейся от Лиссабона до Владивостока, расширяется и постоянно набирает вес Большая Азия, протянувшаяся от Бреста до Пекина. Ставки не могут быть выше. Основы европейской и мировой безопасности должны быть пересмотрены.

Образы мирового порядка после холодной войны

Чтобы выйти из тупика, следует прояснить ряд основополагающих постулатов и придать им процессуальную и институциональную форму. С процессуальной точки зрения это подразумевает возобновление диалога и взаимодействия. В институциональном плане это означает создание органов, которые смогут сохранить и вдохнуть новую жизнь в «Новую Европу», предложенную в 1990 г. Необходимо начать с потенциальных нормативных основ пересмотренной европейской системы безопасности. Три основных принципа можно указать в качестве основополагающих.

1. Принцип равенства. Любая стратегия взаимодействия, основанная на трансформационной динамике европейских международных отношений, сталкивается со значительными трудностями. Не последнее место среди них занимает бытующее среди атлантических держав мнение о том, что Россия не является равной в политическом смысле (сейчас похожая ситуация наблюдается с Китаем). Безусловно, ресурсы Атлантического альянса и ресурсы России и ее союзников несоизмеримы. Тем не менее, существует паритет в ядерной области, а на дипломатическом уровне Россия является постоянным членом СБ ООН, равным с четырьмя другими, что определенно раздражает некоторых. Однако система ООН, как творение Ялты 1945 г, поощряет геополитический и идеологический плюрализм. Равенство также предполагает политическое сообщество, в котором оно должно осуществляться, и, однозначно, не может быть и речи о возвращении политических блоков и жесткого разделения сфер влияния ялтинского периода. Тем не менее, часть дискуссий на тему равенства должна быть о равной безопасности для всех. Попытка достичь безопасности одного не может осуществляться за счет безопасности других. Холодный мир в конце концов развалился из-за обострившихся проблем обеспечения безопасности. Атлантические державы настаивают на том, что НАТО не представляет угрозы для России. Тем не менее, Рос-

сия не зря опасается того, что организация, служившая в лучшие годы после холодной войны благоприятным союзником, в определенных условиях может превратиться в реальную угрозу, особенно после того, как некоторые ее члены из Восточной Европы избрали метод обвинений и обид. Нужен новый способ примирения, как тот, что успешно объединил Францию и Германию после Второй мировой войны.

2. Принцип трансцендентности. В декабре 1989 г. Горбачёв прибыл на Мальту, полагая, что не только холодную войну, но и всю логику противостояния великих держав можно преодолеть. До сих пор для России это остается главным мифом, связанным с мировым порядком, установившимся после холодной войны. Американская сторона лишь зафиксировала изменение баланса сил и переход инициативы на сторону Запада. Отсюда возникает разное восприятие (противоположные мифологии) окончания холодной войны, возникновения холодного мира и его последующего перерождения в малую холодную войну. В годы холодного мира активно поддерживались институты и практики, которые позволили Западу победить в холодной войне, и порыв к трансцендентности, столь желаемой в конце 1980-х, угас. В настоящий момент наблюдаются изменения в ряде европейских стран, в том числе вызванные глубинными внутренними процессами, а также связанные с формированием элит, выражающих недовольство напряжением, постоянно генерируемым сторонниками атлантизма.

3. Принцип плюрализма. Во времена холодного мира шла постоянная борьба между структурным и системным подходами к международным отношениям, сложившимся после холодной войны. Структурный подход реалистичен, основан на геополитическом восприятии угрозы и необходимости защиты территории. Другими словами, реализм в том, как отдельные частности взаимодействуют и создают международный порядок, основанный на балансе интересов и власти. Системный

подход апеллирует к нормам и ценностям, и в период после холодной войны (как и в межвоенные годы) проявляется в применении универсальных норм и идеалов. Когда эти нормы радикализуются до «трансдемократической» программы смены режима посредством цветных революций и военных интервенций, как это было в 2000-х, наступает стадия конфликта. Возникает проблема, как примирить обязательные универсальные принципы со всеми их частностями, которые лежат в основе системы ООН. Задача состоит в том, чтобы адаптировать частности к общему, и наоборот.

Существуют фундаментальные разногласия между сторонниками гегемонистической и плюралистической системами мировой стабильности. В годы холодного мира США внесли существенный вклад в сглаживание потенциальных конфликтов в Европе и в Азии. Их военная мощь, либеральная идеология, наличие институтов мирового управления обеспечили многим странам необходимые условия для развития и процветания в относительно мирных условиях. Но это было перемирие в холодной войне — холодный мир, описанный ранее — как в Атлантике, так и в Тихоокеанском регионе. Американский альянс, возникший в годы холодной войны, остается основой мирового порядка, но это система, основанная на политике включения и исключения. Политика трансцендентности основывается на принципах равенства и плюрализма.

Как же выглядит политика трансцендентности?

Во-первых, необходимо пересмотреть представления об угрозе не только основным государствам, но и соседям России. Понятие угрозы должно быть не только контекстным, но и «историческим». Под «историческим» я понимаю попытку понять не только конкретный контекст, но и общую картину исторических изменений и струк-

туру международной политики в данный конкретный момент. Представляет ли Россия угрозу ее соседям и нынешней системе международного права, как об этом заявляют ее критики? Я считаю, что Россия далека от того, чтобы быть ревизионистской державой сегодня — она, скорее, «неоревизионистская». Под этим я имею в виду то, что Россия не бросает вызов системе международного права и управления (от которой она много выиграла), но становится критичной в отношении практики и очевидного плохого отношения к ней со стороны держав-«гегемонов». Ревизионистским стал Запад в том, что касается России. Опять же Россия осуждает не сами принципы международного права и управления, а практики, которые сопровождают их реализацию.

Во-вторых, следует определить природу «выбора» в геополитической среде после холодной войны. Для некоторых это стало священным шибболетом, но в некотором роде дебаты приобретают уровень постмодернистской свободы. Идея о том, что свобода предполагает отсутствие ограничений и открывает бесконечное множество «опций», абсурдна, но именно она получила значительную популярность сегодня. Быть свободным от ограничений — значит не иметь основы для выбора. Какой выбор был доступен странам после распада первоначальной Ялтинской системы? Хельсинки сначала подтвердили Ялту, а затем превзошли ее; но, как показала Мальта, трансцендентность была в большинстве случаев частичной и не дала дорогу креативным формам взаимодействия. И несмотря на то, что география не определяет судьбу, физические ограничения для конструирования социальной реальности существуют.

В-третьих, следует провести исследование того, чем стал Запад. Запад традиционно представлял собой цивилизационный комплекс, охватывающий множество стран, которые географически отдалены от Востока, в частности от Японии. Возможно, обсуждая европейскую безопасность,

Образы мирового порядка после холодной войны

более логично говорить об Атлантическом сообществе, чем о Западе. Это сообщество, которое не только выжило и процветало, а сегодня приобретает большое разнообразие в рамках формы, которую я называю новым Атлантизмом. Советский Союз ушел, а НАТО спустя 25 лет после выхода из зоны, возвращается, чтобы решать задачи, ради которых он был создан, а именно, для «сдерживания» России. Возрожденный атлантизм — это интеллектуальная основа для новой конфронтации с Россией, с попытками ввести «дисциплину блоков» времен холодной войны, применением

санкций, а также сопутствующей пропагандистской работой, вплоть до возвращения к традициям маккартизма.

Четвертое, но далеко не последнее — необходимо предпринять определенные усилия, чтобы найти процессы и институты, которые помогут сформировать новую политику примирения. Нынешний кризис был спровоцирован не существованием различных мировоззрений, а их политизацией и неспособностью найти способ примирения, избежать губительные последствия их столкновений. Вот та задача, которая стоит перед нами сегодня.

Литература

1. *Stephen F. Cohen* Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War (New York, Columbia University Press, 2009), and in particular Chapter 7, 'Who Lost the Post-Soviet Peace?'. — P. 162–198. [Стивен Ф. Кохен. Судьба Советов и упущенные альтернативы: от сталинизма к новой холодной войне. — Нью-Йорк: Columbia University Press, 2009, глава 7 «Кто потерял советский мир?». — С. 162–198].
2. *Brown A.* The Gorbachev Revolution and the End of the Cold War // Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad (eds) The Cambridge History of the Cold War, Vol. 3, Endings (Cambridge, Cambridge University Press, 2010), Chapter 10. — P. 224–266. [Арчи Браун. Революция Горбачёва и конец холодной войны // Мелвин П. Леффер, Одд Арн Вестад. Кембриджская история холодной войны. — Кембридж: Кембридж Юниверсити Пресс, 2010. — Т. 3 «Окончание», глава 10. — С. 224–266].
3. *James M. Goldgeier* and Michael McFaul, Power and Purpose: US Policy Toward Russia after the Cold War (Washington, DC, Brookings Institution, 2003). [Джеймс М. Голджиер, Майкл Макфол. Власть и цель: политика США в отношении России после холодной войны. — Вашингтон, округ Колумбия, Брукингский Институт, 2003].
4. *Brzezinski Z.* The Premature Partnership // Foreign Affairs, Vol. 73. — № 2, March-April 1994 — P. 80. [Бжезинский. З. Недозрелое партнерство // Foreign Affairs. — Т. 73. — № 2. — Март — апрель 1994. — С. 80].
5. *Gorbachev M.* Speech for 25th Anniversary of the Fall of the Wall. 8 November 2014 // Russia in Global Affairs, 12 November 2014; available at URL: <http://eng.globalaffairs.ru/book/Gorbachevs-full-speech-during-the-celebrations-of-the-25th-Anniversary-of-the-Fall-of-the-Berlin-Wal>. [Горбачёв М. Речь на праздновании 25-й годовщины падения Берлинской стены. 8 ноября 2014. Россия в мировой политике, 12 ноября 2014, полная версия доступна по ссылке: <http://eng.globalaffairs.ru/book/Gorbachevs-full-speech-during-the-celebrations-of-the-25th-Anniversary-of-the-Fall-of-the-Berlin-Wal>].